

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПУШКАРСКОГО ЧИНА СТАРОГО ОСКОЛА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

И.А. Мишуков,
г. Воронеж

На основе анализа годовых смет впервые выявлен состав и численность служилых людей пушкарского чина Старого Оскола и впервые определена динамика изменений в них на протяжении последней четверти XVII в. Также в некоторой степени восстановлены порядок управления местными служилыми людьми пушкарского чина и определен круг их обязанностей.

Ключевые слова и фразы: Старый Оскол, служилые люди пушкарского чина, пушкари, воротники, годовые сметы.

Старый Оскол (первоначально – Оскол) был основан в 1596 г. на территории Поля – буферной зоны между Российским государством и Крымским ханством – как крепость для охраны южнорусского пограничья от татарских набегов. Однако во второй половине XVII в. город оказался в тылу новопостроенной оборонительной линии – Белгородской черты, и, по всей видимости, стал терять свое оборонительное значение. При этом вплоть до конца XVII в. значительную, если не единственную, часть городского населения составляли служилые люди городской службы. Одной из групп этих служилых людей были т. н. служилые люди пушкарского чина¹, отвечавшие за боеспособность крепостного артиллерийского парка.

Работ, которые бы рассматривали в какой-либо мере служилое население Старого Оскола в XVII в., в том числе и служилых людей пушкарского чина, как нам представляется, не существует. В силу этого существуют необходимость в заполнении данного пробела, чему и посвящена настоящая статья.

Исследование основывалось на пяти сохранившихся старооскольских годовых сметах за 1676², 1682³, 1684⁴, 1685⁵ и 1696⁶ гг. Таким образом, удалось хронологически охватить послед-

нюю четверть XVII столетия. Годовые сметы, входящие в состав годовых сметных книг городов Белгородского полка, представляют собой отчеты воевод и приказных людей городов полка о состоянии этих городов (Старый Оскол был одним из таких)⁷. Они составлялись каждый год весной-летом, а затем отправлялись в Белгород, где переписывались, редактировались, дополнялись перечневой росписью с подведением количественных итогов и переплетались под одной обложкой, становясь, собственно, годовой сметной книгой. После готовые книги попадали в Москву, в Разрядный приказ. На основе сведений из старооскольских смет, мы можем восстановить категории и численность местных служилых людей пушкарского чина, некоторую информацию, связанную с управлением ими и их обязанностями.

В 1676 г. старооскольские служилые люди пушкарского чина подразделялись на 4 категории – сами пушкари, а также воротники, казенный кузнец и плотник. К 1682 г. кузнец и плотник «исчезают»; с этого времени до конца 1690-х гг. в городе из служилых людей пушкарского чина оставались только пушкари и воротники⁸. Численность пушкарей в 1676 г. составляла 29 человек, а воротников – 8 человек (табл. 1).

Таблица 1. Численность (чел.) пушкарей и воротников Старого Оскола в последней четверти XVII в.⁹

годы	1676	1682	1684	1685	1696
категория					
пушкари	29	23	24	38	36
воротники	8	7	7	7	3
Итого	37	30	31	45	39

По всей видимости, число пушкарей было привязано к количеству пушек, находившихся в крепости, а число воротников – к количеству крепостных ворот. В тот год в Старом Осколе насчитывалось 14 исправных пушек – пищали, волконейки и один тюфяк¹⁰. Для стрельбы из каждой из них было достаточно расчета из 1–2 человек. Таким образом, закономерность здесь вполне прослеживается. Что же касается ворот, то их было двое¹¹, и если предположить, что у каждого из них дежурило по 4 воротника, тот и тут прослеживается закономерность.

Далее число пушкарей два раза заметно изменялось. К 1682 г. оно уменьшилось на 6 человек по сравнению с 1676 г., а к 1685 г. – выросло на 14 человек по сравнению с 1684 г. и на 9 человек по сравнению с 1676 г. (табл. 1). При этом данные изменения никак не были связаны с сокращением или ростом артиллерии Старого Оскола – количество пушек вплоть до 1696 г. включительно оставалось практически неизменным (только в течение 1684–1685 гг. из города был изъят тюфяк)¹². Следовательно, численность старооскольских пушкарей к 1685 г. стала избыточной по отношению к количеству находившихся в крепости артиллерийских орудий.

Прежде чем говорить о воротниках, необходимо отметить, что старооскольская крепость в 1677/78 г. была перестроена по причине ветхого состояния, однако это никак не сказалось на количестве крепостных ворот – их также осталось двое, и данное число сохранялось до конца рассматриваемого периода¹³. Число же воротников оставалось практически неизменным на протяжении 1676–1685 гг., но к 1696 г. сократилось наполовину и стало составлять всего 3 человека (табл. 1). Малочисленность воротников должна была негативно сказаться на выполнении ими своей прямой обязанности по дежурству у крепостных ворот, однако, как отмечает старооскольская смета 1696 г., в тот год у ворот дежурили не они, а стрельцы и полковые казаки, и именно по причине малочисленности воротников¹⁴. При этом прояснить ситуацию с караулами у ворот в предыдущие годы пока не представляется возможным, поскольку информация о всех караулах в других используемых сметах отсутствует.

О порядке управления служилыми людьми пушкарского чина в сметах содержатся скудные данные. Можно определить только то, что на протяжении всего рассматриваемого периода в Старом Осколе были осадные головы. Именно

они, занимаясь вопросами подготовки своих крепостей к отражению возможных нападений, следили за артиллерией и боеприпасами, а также непосредственно управляли местными пушкарями, затинщиками, воротниками, казенными кузнецами, и плотниками¹⁵. Старооскольские осадные головы назначались, судя по всему, из числа местных детей боярских. Мы можем восстановить их имена: 1676 г. – Федор Гаврилов сын Стрельников, 1682 г. – Максим Иванов сын Захаров, 1684–1685 гг. – Иван Анпилов (находился в должности с 1683/84 г.), 1696 г. – Игнатий Иванов сын Горбачев¹⁶.

Старооскольские пушкари, помимо выполнения своих прямых обязанностей по обслуживанию крепостных пушек, вероятно, также обслуживали затинные пищали – крупнокалиберные крепостные ружья. На протяжении последней четверти XVII в. в городе в исправном состоянии их насчитывалось 12 штук¹⁷. Обычно, ведение затинными пищалами осуществляла отдельная категория служилых людей пушкарского чина – затинщики. Однако, затинщиков в Старом Осколе не было. По всей видимости, власти решили не верстать дополнительный чин, а передали функции затинщиков пушкарям и, возможно, воротникам. Также, скорее всего, пушкари к 1682 г. взяли на себя функции «исчезнувших» кузнеца и плотника по ремонту пушечных стволов, ремонту и изготовлению деревянных лафетов.

Кроме того, старооскольские пушкари на протяжении всего рассматриваемого периода были целовальниками местного житенного двора, причем полностью организовывали его работу – аппарат двора составляли только целовальники, и целовальники выбирались только из пушкарей. В 1676 г. ими были Семен Романов, Иван Болдырев и Алексей Золотарев (находились в должности с 1671/72 г.), в 1682–1685 гг. – Игнат Андреев и Григорий Жугин (находились в должности с 1682/83 г.), в 1696 г. – Назар Серебренников и Иван Панин (находились в должности с 1694/95 г.)¹⁸. По всей видимости, в их задачи входили охрана государственных хлебных запасов, а также сбор государственных натуральных налогов с населения уезда, например, четверикового хлеба. Численность целовальников, как видно, была очень небольшой – 3 человека в 1676 г., 2 человека во все последующие изучаемые годы. Возможно, она напрямую зависела от численности уездного населения, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Об участии пушкарей в каких-либо караулах, за исключением 1696 г., в сметах информации нет. Логично было бы предположить, что они должны были дежурить у казенного погреба, где хранились пушечные ядра и порох. Однако, по крайней мере в 1696 г. у погреба также, как и у ворот, дежурили стрельцы и полковые казаки. Пушкари же в количестве двух человек с переменной караульных один раз в сутки дежурили в приказной избе – канцелярии воеводы¹⁹.

Об обязанностях воротников ни в одной из рассматриваемых смет информации нет вовсе. Как уже отмечалось, их прямой обязанностью должно было быть дежурство у крепостных ворот, однако, как показывает смета 1696 г., такого могло и не быть. И, наконец, как также уже говорилось, они могли разделить с пушкарями функции затинщиков.

Подведем итоги исследования. В 1676 г. в Старом Осколе было зафиксировано 4 категории служилых людей пушкарского чина – пушкари, воротники, казенный кузнец и казенный плотник. К 1682 г. в городе остались только пушкари и воротники, и такая ситуация сохранялась вплоть до конца последней четверти XVII в.

В 1676 г. численность пушкарей и воротников соответствовала количеству исправных пушек, находившихся в крепости, и крепостных ворот. Далее число пушкарей два раза заметно изменялось, особенно между 1684 и 1685 гг.,

когда оно выросло по сравнению с 1676 г. на 9 человек. При этом количество исправных пушек практически оставалось неизменным на протяжении всего изучаемого периода. Таким образом, к 1685 г. численность пушкарей стала избыточной по отношению к размеру размещавшейся в городе исправной артиллерии. Число воротников до 1685 г. не менялось, как и количество крепостных ворот, однако, к 1696 г. при также неизменном количестве ворот оно сократилось наполовину.

Управление старооскольскими пушкарями, воротниками, казенными кузнецом и плотником на протяжении всего изучаемого периода осуществляли осадные головы. Назначались они, судя по всему, из местных детей боярских.

В обязанности старооскольских пушкарей, кроме обслуживания крепостных пушек, по всей видимости, еще входили обязанности затинщиков, кузнеца и плотника. Кроме того, небольшое количество пушкарей (2–3 человека), менявшиеся с определенной периодичностью, организовывали работу местного житечного двора. Также по 2 пушкаря, меняясь каждый день, дежурили в приказной избе. В обязанности воротников входило дежурство у крепостных ворот, однако, в 1696 г. вместо них дежурили стрельцы и полковые казаки. Это было связано с их малочисленностью в том году. Также воротники могли делить с пушкарями обязанности затинщиков.

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 97. Л. 480–480 об.; Д. 121. Л. 165 а; Д. 130. Л. 321–321 об.; Д. 132. Л. 224–225; Д. 172. Л. 993 об.

² Там же. Д. 97. Л. 458–483 об.

³ Там же. Д. 121. Л. 136–166 об.

⁴ Там же. Д. 130. Л. 292–323 об.

⁵ Там же. Д. 132. Л. 153–228.

⁶ Там же. Д. 172. Л. 913–994 об.

⁷ О содержании годовых смет см.: Скобелкин О.В. Годовые сметные книги 2-й половины XVII в. как источник для изучения южного фронта России // Общество и власть: история и современность: материалы Тринадцатой региональной научной конференции. Воронеж, 2019. С. 30–32.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 97. Л. 480 об.; Д. 121. Л. 165 а; Д. 130. Л. 321 об.; Д. 132. Л. 225; Д. 172. Л. 993 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 97. Л. 476 об. – 478 об.

¹¹ Там же. Л. 475–476.

¹² Там же. Д. 121. Л. 162–164 об.; Д. 130. Л. 316 об. – 319; Д. 132. Л. 219 об. – 222; Д. 172. Л. 914–916 об.

¹³ Там же. Д. 121. Л. 159 об. – 161 об.; Д. 130. Л. 315 об.; Д. 132. Л. 218 об.; Д. 172. Л. 913.

¹⁴ Там же. Д. 172. Л. 986 об., 994.

¹⁵ Глазьев В.Н. Осадные головы в городах южного российского пограничья в XVII в. // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2019. Вып. 4. С. 44.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 97. Л. 458; Д. 121. Л. 136 об.; Д. 130. Л. 292 об.; Д. 132. Л. 153; Д. 172. Л. 917 об.

¹⁷ Там же. Д. 97. Л. 479 об.; Д. 121. Л. 165 об.; Д. 130. Л. 320; Д. 132. Л. 223; Д. 172. Л. 917.

¹⁸ Там же. Д. 97. Л. 474 об.; Д. 121. Л. 159 об.; Д. 130. Л. 315; Д. 132. Л. 218; Д. 172. Л. 991 об.

¹⁹ Там же. Д. 172. Л. 986 об. – 987.